

Неформальные практики в России. НЕЛЕГИТИМНАЯ ИММИГРАЦИЯ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗЛО, БЛАГО ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

Автор: Л. С. ПЕРЕПЕЛКИН, В. Г. СТЕЛЬМАХ

Предварим анализ проблем, обозначенных в заглавии статьи, рядом терминологических разъяснений и тематических ограничений. Прежде всего мы решили не использовать устоявшийся термин *нелегальная иммиграция* (синоним - *незаконный въезд*) - проникновение на территорию страны иностранцев вопреки действующему миграционному законодательству по недействительным или поддельным въездным документам или вообще без них и т.п., - поскольку он **не отражает нынешнюю российскую реальность во всей полноте**. Хотя подобного рода нарушения достаточно распространены, миграционные коллизии только этим не исчерпываются¹. Вышеупомянутой "классической" нелегальной иммиграции сопутствует превосходящий ее в разы людской поток из ближнего зарубежья: граждан стран СНГ, вполне законно въезжающих в РФ с целью *неофициального трудоустройства* (синоним - *занятость в теневом секторе*), - гражданской по содержанию трудовой деятельности, но не оформленной юридически в соответствии с российскими правилами использования труда нерезидентов. Последнее обстоятельство принципиально отличает такие перемещения людей от практикуемой странами ЕС экономической иммиграции - планового восполнения дефицита рабочей силы за счет привлечения иностранцев. Этой группе мигрантов типологически близки приезжие из Китая и Вьетнама: планируя участие в теневом предпринимательстве, они также предпочитают легальные каналы въезда (первые используют для этого возможности льготного режима пересечения дальневосточной границы, а вторые стараются получить туристическую или гостевую визу). Наиболее взвешенная количественная оценка таких мигрантов составляет порядка 5 - 6 млн. человек, а их не вполне легальной занятости - примерно 2,5 - 3 млн. человек [Открытый... 2001, с. 3; Симакин, 2003, с. 12].

Данную категорию приезжих с двойственным статусом, отличающим их и от настоящих нелегалов, и от беженцев, репатриантов и т.д., легально въезжающих в Россию, мы

¹ По понятным причинам точную численность нелегальной миграции определить крайне сложно. В настоящее время по экспертным оценкам в России незаконно находятся до 1,5 млн. человек примерно из 40 стран мира (Афганистана, Ирака, Анголы, Нигерии, Судана, Эфиопии, Сомали, Шри-Ланки, Бангладеш, Индии и др.) [Гликин, 2002⁶].

Перепелкам Лев Станиславович - кандидат исторических наук, заведующий сектором проблем культурной политики Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации.

Стельмах Владислав Геннадьевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник того же сектора.

будем именовать *нелегитимной иммиграцией*. Цель нашего исследования - оценка влияния этого феномена на жизнь российского общества.

"Великое переселение народов" в постсоветский период

Вторая половина XX в. - эпоха не только масштабных и массовых, но и постоянных перемещений людей с Юга на Север, из "третьего" мира в "первый" - с периферии в центры наиболее высокого и качественного уровня жизни. По данным ООН, с 1975 г. число мигрантов в мире, выросши более чем вдвое, достигло примерно 175 млн. человек, и в результате каждый десятый житель стран так называемого совокупного Запада ныне - мигрант, а перманентность людских потоков позволяет говорить о существовании стран-реципиентов, стран-доноров и стран, одновременно выступающих в обеих этих ипостасях [Потемкин, 2002; Лундестад, 2002; Шишков, 2003].

В советский период подобные вещи затрагивали Россию в минимальной степени, поскольку миграции тогда, во-первых, были сугубо внутренними, а во-вторых - плановыми. Не говоря уже о том, что их вектор, абстрагируясь от особого случая с союзными республиками Прибалтики, с определенной долей условности был прямо противоположен мировому: посредством оргнабора или лимита жители "центра" - преимущественно славянских территорий направлялись на экономическое освоение периферии - Сибири, Дальнего Востока, закавказских и среднеазиатских республик. Распад Советского Союза коренным образом изменил ситуацию. Открытие границ нашей страны ввело ее в глобальный миграционный контекст, и за истекшее двадцатилетие РФ в силу особенностей своего нынешнего положения прочно "закрепилась" среди государств, одновременно отдающих (в меньшей степени) и принимающих (в большей степени) мигрантов. Причины "великого постсоветского переселения народов" хорошо известны: более высокий, по сравнению с другими частями СНГ, уровень жизни в России; "освоенность" российского социально-культурного пространства бывшими гражданами СССР; традиционные связи России с некоторыми государствами дальнего зарубежья (Вьетнам, Афганистан); вооруженные конфликты на периферии бывшей советской территории; необустроенность границ РФ после падения "железного занавеса". Эти и многие другие обстоятельства способствовали резкому усилению миграционной подвижности на пространствах канувшего в Лету СССР.

Чтобы понять, какую роль в жизни российского общества стал играть фактор нелегитимной иммиграции, целесообразно уточнить ее основные параметры. В этой связи уместно вернуться к такому болезненному для российской общественности вопросу, как ее численность. Приводимые нами выше цифры - 5 - 6 млн. человек - лишь наиболее верифицированная экспертная оценка. Предположения же на этот счет варьируются в пределах от менее 1 до более 15 млн. человек! (см. [Корня, 2002; Чернов, 2002]). Дискуссия на сей предмет, однако, не вписывается в рамки нашего исследования, поэтому ограничимся двумя комментариями. Во-первых, даже приняв во внимание миграцию из стран СНГ (кроме Грузии и Туркмении), происходящую в безвизовом режиме; протянувшуюся на сотни километров, недемаркированную и на некоторых участках неохраемую российско-казахстанскую границу - "черную дыру", затягивающую к нам нелегалов, приходится констатировать, что подобный разброс данных свидетельствует либо о крайнем разнообразии методик статистических подсчетов, либо об излишней политической ангажированности экспертов.

Во-вторых, независимо от уточнения количественных параметров нерезидентов интенсивные миграции постсоветского времени, "забросившие" к нам не только значительное количество жителей государств СНГ, но и немало выходцев из дальнего зарубежья, превратили Россию в страну, как мы увидим далее, с **текучими по составу, но в своей совокупности устойчивыми группами иммигрантского населения.**

Именно данное обстоятельство требует особого тщательного подхода к качественным характеристикам этого феномена. Поскольку нашими многочисленными коллегами и нами этнические его аспекты - усиление ксенофобии и этнофобий, а также произ-

растающая на этой почве устрашающая мифология были достаточно подробно проанализированы ранее (см. [Малькова, 2001; Стельмах, 2001; Титов, 2003; Перепелкин, Стельмах, 2003; Паин, 2003; 2005]), обратимся непосредственно к социальным аспектам вопроса. Не только в ряде печатных СМИ, но и среди научного и экспертного сообщества в отношении нерезидентов, находящихся на территории нашей страны, распространились несколько тесно переплетенных между собой клишированных представлений:

- большинством этих людей движет желание остаться в нашей стране навсегда, став ее добропорядочными гражданами;

- в нелегитимном/нелегальном статусе мигрантов виноваты исключительно соответствующие российские законы, препятствующие легализации и натурализации приезжих.

Первое из данных представлений восходит, на наш взгляд, к тенденциозной интерпретации отдельных позиций социологических опросов и баз данных, действительно демонстрирующих, что: а) по числу людей, желающих получить российское гражданство, РФ ныне входит в шестерку стран-лидеров; б) преобладающее большинство респондентов-иммигрантов (75,6%) стремятся получить в России официальный гражданский статус, и только для 14,9% наша страна - стартовая площадка для последующего выезда за ее пределы [Гражданства... 2002; Титов, 2003, с. 135]. Такие результаты, конечно же, говорят о желании опрошенных получить более устойчивый и безопасный статус при длительном в ней пребывании и трудоустройстве.

Но означает ли это наличие у них твердой установки на адаптацию к стране приезда или интеграцию в российское общество? К слову, наши собственные интервью с членами строительно-ремонтных бригад из Украины, проведенные в 2001 - 2002 гг. в форме доверительных бесед, свидетельствуют, скорее, об обратном. Даже для русскоязычных украинцев из восточной и южных областей Украины перспектива переселения и натурализации в РФ выглядела весьма сомнительной. Такая позиция мотивировалась приблизительно следующей аргументацией: объективные и субъективные (получение российского вида на постоянное жительство) трудности, возникающие на "российском направлении" эмиграции, мало чем уступают по затратам сил и времени переезду в США, Австралию или Канаду. А стоимость дороги за океан с лихвой компенсируется условиями жизни и уровнем оплаты труда в упомянутых странах.

Другие данные социологических исследований четко показывают: для жителей дальнего и ближнего зарубежья приезд в Россию зачастую мотивирован относительной простотой пересечения границы и большими, по сравнению с государствами Евросоюза или ОЭСР, возможностями неофициального трудоустройства. В ситуации с гражданами СНГ данное обстоятельство вкупе с территориальной близостью их родных стран превращает их пребывание у нас в маятниковую трудовую миграцию. Средний срок неофициальной работы таких приезжих составляет у мужчин - 3,3 г., у женщин - менее 2,6 лет [Кириллова, 1998, с. 83; Шуйкин, 1999; Миграция... 2001, с. 127].

Вне сомнения, в свете сказанного нуждается в уточнении и второй стереотип - "презумпция виновности российского миграционного законодательства". Споры нет, оно крайне несовершенно, поскольку плодит нелегитимных мигрантов среди всех без исключения категорий приезжих. Не углубляясь в доскональный анализ соответствующих правил и положений, выделим наиболее общие их издержки:

- **дискриминационный подход к собственным гражданам.** До самого последнего времени пресловутая обязательная, ограниченная тремя сутками регистрация по месту прибытия граждан РФ уподобляла их мигрантам. Подобный порядок в отношении резидентов - нонсенс, тем не менее *de jure* такие люди (например, русские, приезжающие на сезонные работы в Московскую область из соседних регионов) частично попадали под определение нелегала. Последние (декабрь 2004 г.) "либеральные" новеллы в этой области - резонанс попыток вмешательства администрации В. Путина в электоральный процесс на Украине. Россиянам лишь увеличили срок их свободного пребывания на "чужой" территории до 90 дней, не затрагивая сути законодательства - разрешительного характера регистрационных установлений;

- недостаточная проработка ситуаций в случаях с людьми, чье пребывание на территории России перестало отвечать первоначальной цели приезда. Из-за этого в двусмысленном положении пребывает у нас ядро некоторых групп иммигрантов из дальнего зарубежья, например афганцев или вьетнамцев. Обе группы попали к нам в советское время абсолютно легально, однако изменение политической ситуации превратило первых, по сути, в политических эмигрантов, а вторых - в лиц с давним-давно просроченными визами. Многие из них обустроились в России, обзавелись семьями и нередко детьми, адаптировались к местным условиям, но с точки зрения нынешних законов они живут в нашей стране незаконно, поскольку новый их статус соответствующим образом не подтвержден;

- бюрократизированность иммиграционных процедур. По существующим правилам, любой иностранец должен в трехдневный срок зарегистрироваться по месту прибытия. Ему необходимо также приобрести дающую право на работу карточку мигранта, уплатив за это определенную сумму и представив в государственные органы не менее 6 различных документов (к слову, от фирмы, рекрутирующей зарубежную рабочую силу, Федеральная миграционная служба требует до 15 документов). Сумма сборов, взимаемых при этом с физического лица, составляет около 100 долл.; все эти процедуры в реальном времени, по признанию работников Управления по делам миграции, длятся не 3, но 145 дней. И неудивительно, что "услуга" по ускорению легального процесса оформления необходимых разрешений на пребывание и работу в России на черном рынке стоит примерно еще 100 долл. [Гликин, 2002^а; Волошина, 2003, с. 9; Гранина, 2005, с. 13]. При таком положении дел многие мигранты, легально въехавшие в страну, автоматически переходят в режим незаконного в ней пребывания.

Тем не менее приходится констатировать, что определенная часть приезжих из других стран, особенно из СНГ, прибывших в Россию на ограниченный срок с целью подзаработать или что-либо продать, из сугубо меркантильных соображений не стремятся получить официальную регистрацию, дающую ее обладателю возможность жить и трудиться на законных основаниях. Для таких мигрантов неофициальное трудоустройство, а тем более мелкий бизнес без уплаты подоходного налога - вполне приемлемый вариант, позволяющий сэкономить не только время, но и деньги. Сотрудники МВД на условиях анонимности объяснили нам, что поборы, взимаемые коррумпированными должностными лицами с таких частично добровольных, а частично вынужденных нелегалов, давно "тарифицированы" и суммарно не превышают 60% соответствующих официальных затрат.

И наконец, стоит конкретизировать информацию относительно основных направлений перемещения иммигрантов по России. Как ни странно, но и такой достаточно ясный вопрос зачастую преподносится недостаточно корректно, так как миграционная привлекательность тех или иных регионов России по преимуществу связывается с дефицитом там трудовых ресурсов. В действительности же упомянутая характеристика территории в немалой степени зависит и от развития ее социально-культурной инфраструктуры или климатических условий. Приняв во внимание это обстоятельство, легко понять, почему центрами стягивания иммигрантов становятся не только мегаполисы или городские агломерации: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Хабаровск, Благовещенск и т.п., но и такие трудоизбыточные регионы РФ, как Ставропольский и Краснодарский края, что никак не скажешь о российском Нечерноземье, страдающем от депопуляции и испытывающем потребность в работниках.

Как уже неоднократно вскользь упоминалось, нелегитимной иммиграции имманентно сопутствует неофициальная занятость. Определить размах этого явления куда труднее, чем установить численность въехавших в Россию из-за рубежа: более 80% мигрантов трудятся у работодателей по устной договоренности и не имеют никаких формальных трудовых контрактов. Так что приведенная нами оценка порядка 3 млн. человек вызывает наибольшие сомнения. И все же о его масштабах позволяет судить сопоставление данных о легальной занятости иностранцев с оценками их общей численности. Так, по данным Федеральной миграционной службы, в 2003 г. в нашей стране получили

разрешение работать 530 тыс. трудовых мигрантов [Кондрашова, 2002; Нарышкина, 2003, с. 12]. Простейший расчет показывает, что количество иностранцев, ушедших в "тень", огромно и на несколько порядков превосходит официально фиксируемые показатели их трудоустройства.

"Гамбургский счет" иммиграции

Преимущественно нелегитимный характер иммиграции в постсоветскую Россию, которая осуществляется главным образом за счет маятниковых перемещений людей в трудовом возрасте, оседающих затем в теневом секторе экономики, делает оценку этого явления крайне актуальной. Надо сказать, что разброс мнений на этот счет столь же широк, как и разноречивы в цифрах о численности иммигрантов, варьируясь от ультрамодернизационных подходов до крайностей неотрадиционализма. В первом случае эксперты видят в иммиграции единственную для нашей страны "палочку-выручалочку", только благодаря которой в условиях естественной убыли основного населения сохраняется неизменной его численность и тем самым обеспечивается необходимое для экономического роста количество рабочих рук [Вишневский, 2001, с. 142; Зайончковская, 2002; 2003]. Их оппоненты придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Они убеждены, что появление у нас большого числа нерезидентов несет прямую угрозу безопасности российского общества, развитие которого приобретает нерегулируемый характер вследствие включения в него групп людей, далеко не всегда совместимых с его ядром в этническом, конфессиональном и культурологическом плане [Копшева, 2003, с. 4; Чернов, 2002]. Существуют и более взвешенные взгляды на эту проблему, сводящиеся к утверждению, что в XXI в. "реальный выбор для России состоит не в том, быть или не быть иммиграции, а в ее характере - легальном или нелегальном". В первом случае страна приобретает дополнительные перспективы, а во втором - наоборот, столкнется с серьезными трудностями [Гайдар, 2003, с. 7].

На наш взгляд, парадоксальность ситуации, когда любая из приведенных оценок в равной мере справедлива и несправедлива, связана с характерной особенностью нынешней российской общественной мысли - отсутствием в ней "балансового подхода". Именно это в итоге оборачивается узкоспециальными экспертизами многогранного и многоуровневого феномена иммиграции, самые объективные из которых сводятся к подсчету ее выгод/издержек в одних сферах без оценки потерь в других. Попытаемся же далее проанализировать интересующее нас явление по "гамбургскому счету" - комплексно и многопланово, сопоставляя по возможности самые различные его аспекты, связь между которыми может быть и опосредованной, и не всегда явной.

Начнем с **демографической стороны**. Ситуация тут в принципе достаточно очевидна, хотя и нуждается в уточнениях. Даже если исходить из предварительных данных переписи 2002 г., темпы депопуляции России в истекшем двадцатилетии, муссировавшиеся политиками коммунистического и националистического толка, слава богу, оказались не столь уж удручающими: в 1989 г. в стране жило 147,4 млн. человек, в 1998 г. - 146,7 млн., в 2002 г. - порядка 145 млн. человек, а не 143 млн., как предполагалось [Афоницева, 2002, с. 66; Гликин, 2002^a, с. 1; Родин, 2003, с. 2; Скробот, 2003, с. 7]. Без сомнения, тенденция уменьшения численности населения России гасилась и иммиграционным его приростом, однако роль и масштаб именно этого фактора предстоит уточнять по мере обработки данных последней российской переписи.

По нашему разумению, не требует пространных комментариев и проблема **взаимосвязи нелегитимной иммиграции и криминала**. Помимо того, что активность в "тени" по своей сути - не что иное, как административно-правовое нарушение, общеизвестно, что иммигранты представляют слой, в котором в большом количестве творятся уголовные преступления [Федоров, 2002; Устюгов, 2002]. Запутанность же в интерпретацию такой реальности вносит подмена понятий. Криминальная активность нерезидентов зачастую связывается не с первопричиной - ущербностью их статуса в принимающем социуме, а с их этничностью. Так что попытки статистически подтвердить некую имманентно пре-

ступную сущность иммигрантов-этников, равно как и доказать, что "это - очередной милицейский миф" [Целмс, 2004, с. 29], бессмысленны. Противоправное деяние само по себе не имеет этнических характеристик, тогда как при складывании преступных сообществ этничность, напротив, выступает как мощный мобилизационный и организующий фактор.

Куда сложнее обстоит дело с **экономическим резонансом** иммиграции. Сложилось мнение, что использование иностранных рабочих содействует хозяйственному развитию стран-реципиентов, помогая многим из них совершить "экономическое чудо" [Старченков, 1997, с. 80]. Для подкрепления этого постулата обычно апеллируют к послевоенному опыту стран ЕЭС, в частности Германии, вклад турецких гастарбайтеров в экономику которой был особенно заметен. Нам, однако, представляется, что данное утверждение, в основе справедливое, давно уже требует более рациональной, выходящей за рамки эмоционально трактуемых стоимостных категорий оценки.

Прежде всего опыт европейских государств, где уровень наполняемости законов, несомненно, более высок, чем в нашей стране, свидетельствует: даже если иммиграция осуществляется преимущественно легальным путем, она стимулирует, в первую очередь, рост теневого сектора экономики. По оценкам экспертов, к концу 1990-х гг. доля производства в нем в ряде государств ОЭСР - Испании, Португалии, Греции, Италии и Бельгии - составляла порядка 22 - 30% от их ВВП ("Ведомости", 2 февраля 2001 г.). Кроме того, в постиндустриальном обществе основной рост ВВП происходил в наукоемких, техногенных отраслях, а массовые же миграции приводили и приводят на рынки труда развитых стран людей с невысокой и средней квалификацией. Конечно, неквалифицированный труд (конвейерная сборка, сервисные услуги, розничная торговля, уборка мусора и т.п.) играет в жизни современного социума важную роль. Однако видеть причины нынешнего процветания упомянутых стран в привлечении мигрантов из "третьего мира" к непрестижным видам работ, как бы умаляя при этом заслуги их основного населения, обеспечившего старт экономического подъема, - непродуктивно.

Кроме того, вдвойне непродуктивно механически проецировать подобную схему на Россию, с типологически другой ситуацией в постсоветский период. Огромное количество политических, экономических и, главное, социальных издержек без сомнения позитивного по своему содержанию процесса демократизации на длительное время определило неблагоприятные тенденции развития национального хозяйства нашей страны. Одной из них стал отъезд на Запад наиболее квалифицированных работников - "утечка мозгов", масштабы которой уже сейчас бросают вызов перспективам развития экономики. Правда, в количественном плане эмиграционный отток рабочей силы в разы покрывался иммиграционным ее притоком, чего, однако, нельзя сказать о качественном соотношении названных перемещений. Конечно, не следует отрицать, что иммиграция принесла гражданам РФ некий позитив. Приезд в страну значительных групп экономически активного населения, используемого затем на тяжелой, непрестижной работе, позволил решить проблему дефицита ряда услуг и насытить потребителей основными товарами. Вероятно, специалисты соответствующей квалификации легко подсчитают (будем надеяться, с поправкой на качество) стоимость всего этого, но куда сложнее и важнее определить, в какой мере этот "прибыток" компенсирует ущерб от упущенной выгоды, нанесенный экономике России вышеупомянутой "утечкой мозгов"?

Далее обратимся к проблеме "нелегитимная иммиграция - российский теневой сектор"². Вопреки утверждениям СМИ о гипертрофированном его развитии (в нем, по

² Здесь и далее речь идет об одной из составляющих упомянутого сектора - *полуправовой экономике* - производстве обычных товаров и услуг, выходящем за пределы закона из-за используемых средств (уклонение от налогов, предпринимательство без патента или лицензии, трудовой найм без оформления). Проблемы, связанные с *криминальным бизнесом* (торговля наркотиками и оружием, контрабанда, проституция, рэкет и пр.) или *явно незаконным предпринимательством* (браконьерство, незаконный сбор лекарственных растений, лесозаготовки в природоохранных зонах и т.п.), требуют отдельного рассмотрения.

оценкам, производится 39,2 - 41% ВВП), этот показатель типичен для переходных экономик стран Центральной и Восточной Европы. Однако из-за характерного для России преобладания в нем иммигрантов, наше общество несет прямые экономические потери. Только неуплата налогов в секторах экономики, обслуживаемых нелегитимными мигрантами, лишает страну ежегодно до 8 млрд. долл. Верифицированные данные о вывозе ими из РФ денежных средств по понятным причинам отсутствуют. Но представить его масштабы можно, сопоставив следующие цифры: только в 2003 г. по данным Центробанка физическими лицами было отправлено за рубеж (через платежные системы, экспресс- и обычную почту) 1,3 млрд. долл.! Уместно предположить, что основные переводчики этих денег - нерезиденты, ибо почти 50% наличной валюты у нас продается иностранцам [Симакин, 2003, с. 12; Горбунов, Подлесова, 2003, с. 2; Павлова, 2005, с. 3]. Сказанное, конечно же, не означает, что граждане России являют собой в этом плане образец законопослушания: частичное сокрытие доходов у нас - "общенациональная идея", однако важно отметить, что налогов от неформальной трудовой и предпринимательской активности нерезидентов в казну **не поступает вообще**. В этом смысле бюджетное недофинансирование социальных программ во многом лежит на совести данной категории работников.

Необходимо обратить внимание и на возникающий на стыке экономики и социальной сферы ущерб от особого рода полулегальной "индустрии" *теневой поддержки нелегитимной миграции*. Эта, по понятным причинам малоизвестная большинству россиян отрасль, за прошедшие 20 лет пребывает у нас в состоянии бума. Фальшивые рекрутинговые агентства или туристские фирмы, содействующие пересечению границ РФ (или миграционному транзиту на Запад), заполнили соответствующий рынок. Газета бесплатных объявлений "Из рук в руки" переполнена рекламой об оказании "помощи в получении миграционного разрешения на работу в Москве и области", притом "без предоплаты" и с "бесплатными консультациями". Как удалось узнать, стоит эта "услуга" - в зависимости от страны, из которой прибыл нерезидент, - от 300 руб. до 200 долл. Сотни фирм за 400 - 1700 руб. оформляют поддельную регистрацию, медицинские книжки, разрешения на трудоустройство, а с недавних пор и пластиковые миграционные карты [Гранина, 2002^а, с. 3; Гусев, 2003, с. И]. Второе рождение обрел институт фиктивного брака, прекрасно знакомый не только старшему, но и среднему поколению жителей Москвы, Ленинграда и некоторых столиц бывших союзных республик. Но пока это, по имеющимся исследованиям, не очень распространенный способ легализации нерезидента, возможно, по причине его высокой стоимости - 2 тыс. долл. в провинции и 3 тыс. долл. в Москве [Дятлова, 2001, с. 32].

На наш взгляд, отрицательный социальный резонанс этой менее тяжелой, не сопряженной с насилием сферы теневого предпринимательства превосходит наносимый им обществу финансовый ущерб. Ибо такого рода вещи куда более, чем откровенный криминал, способствуют **эрозии общественной морали**: девальвации позитивных ценностей, смещению акцентов в бинарных оппозициях нравственности ("хорошо-плохо", "порядочно-непорядочно", "честно-нечестно"), преобладанию в настроениях людей циничного прагматизма и правового нигилизма.

Это вводит нас в более широкий контекст **социальных последствий** нелегитимной иммиграции и неофициальной занятости. Сразу же оговоримся: мы не касаемся здесь разработанных на исследовательском и экспертном уровне сюжетов о подпитке ими коррупции российских официальных структур, наиболее тесно соприкасающихся с данной категорией людей (миграционная служба, милиция, паспортные столы и т.д.), и об обратном ее эффекте - разложении отечественных государственных инстанций, провоцирующем и стимулирующем противоправное поведение иммигрантов [Открытый... 2001, с. 7; Гранина, 2002^б, с. 3; Ильичев, 2003^б, с. 2; Сатаров, 2002, с. 21 - 23]. Отметим лишь, что благодаря этому создается удобный канал инфильтрации в Россию террористов, исламских радикалов, любых нежелательных иностранцев.

Аналогичным образом, нет резона останавливаться на создании теневым иностранным бизнесом рабочих мест для россиян. Ситуация тут очевидна: посредством этого

происходит разве что втягивание населения страны в полупреступную деятельность (иногда в масштабе локусов, как происходит, скажем, в дальневосточных субъектах РФ) [Калачинский, 2004]. Дискутировать здесь можно лишь о причинах подобного явления, но никак не о его социальном аспекте. Наконец, нет необходимости заострять внимание на бытовых мифах наподобие того, что нерезиденты, якобы, перегружают социальную инфраструктуру России. Расчеты специалистов свидетельствуют, что подобные вещи у нас невозможны: для подключения к системе социальной поддержки требуется медицинская страховка, пенсионное удостоверение и пр. Даже нагрузка на региональные транспортные сети возрастает несильно, ибо нелегитимные иммигранты обычно маломобильны [Нарышкина, 2003, с. 12]. Так что перейдем к менее очевидным и изученным сторонам воздействия нелегитимной иммиграции на жизнь российского общества, в частности на **трудовые отношения**.

К сожалению, когда речь заходит о подобных вещах, подавляющее большинство специалистов рассматривают коллизии, связанные с выходом на рынок труда нерезидентов, исключительно в категориях экономической целесообразности, проводя недостаточно корректные аналогии со странами Запада. Коль скоро "у нас", как и "у них", безработица носит структурный характер (предпочтения потенциальных тружеников относительно различных видов занятости не совпадают с потребностями работодателей), а число вакансий значительно превышает число рабочих мест, *a priori* утверждается следующее: "наши" иммигранты выполняют важную социальную функцию, компенсируя дефицит рабочей силы в маргинальных отраслях, которых граждане России чуждаются. Одновременно подразумевается, что, как и в государствах ЕЭС, такая ситуация на рынке труда будет сохраняться. На этом постулате строятся и наиболее осторожные, и самые смелые прогнозы о потребности нашей страны в гастарбайтерах на ближайшие десятилетия, количественный разброс которых варьируется в пределах от 6 - 7 млн. до 35 млн. человек [Моисеенко, Переведенцев, Воронина, 1999, с. 39; Вишневский, 2001, с. 142; Ильичев, 2003^a, с. 1].

С точки зрения статистики занятости и ее прогнозирования (естественно, при сохранении отмеченной тенденции) такой подход справедлив: иммигранты, заполнив на рынке труда определенную нишу, обеспечили в начале переходного периода и продолжают обеспечивать ныне бесперебойное функционирование таких отраслей, как строительство, ремонт, коммунальное хозяйство, муниципальный транспорт, розничная торговля и пр. Но, по нашему мнению, на этом их позитивная социальная миссия исчерпывается. Более того, по прошествии двадцати лет после начала российских реформ можно говорить о том, что издержки от присутствия нерезидентов на рынке труда становятся все более и более ощутимыми.

Прежде всего неофициальная занятость иностранцев заметно усугубила процесс деградации культуры трудовых отношений в России. И дело здесь не только и не столько в том общеизвестном факте, что нерезиденты консервируют низкий уровень заработной платы в тех секторах, где они доминируют [Открытый... 2001, с. 7 - 8]. Основной "грех" иммигрантов - не сбивание величины зарплат или же, как утверждают некоторые СМИ, перехват клиентуры: люди, обращающиеся к ним за услугами, при нынешнем уровне своего достатка не в состоянии пользоваться преимуществами "белого" сектора рыночной экономики. Что действительно плохо - приезжие из менее благополучных по сравнению с Россией стран способствуют консервации нецивилизованных, отвратительных условий и форм труда в целых отраслях, будь то транспорт, строительство или реконструкция помещений. Эти виды деятельности, в большинстве государств ОЭСР не считающиеся маргинальными, стали у нас таковыми не из-за объективных трудностей производственного процесса (сменность, скользящий выходной и т.п.), но из-за сложившихся нечеловеческих условий работы (неотапливаемые бытовки, отсутствие душевых помещений и гигиенических комнат, пунктов горячего питания, не оборудованные должным образом туалеты и пр.).

Спору нет, все это возникло не по инициативе приезжих. Однако нельзя не учитывать, что рамочные условия привлечения в Россию иностранной рабочей силы корен-

ным образом отличаются от имеющих место в странах совокупного Запада. Там приток иммигрантов шел/идет в цивилизованную рыночную экономику и гражданское общество, с устоявшейся высокой культурой трудовых отношений и зафиксированными законодательством нормами честной конкуренции и минимальной оплаты труда, способной обеспечить прожиточный минимум. У нас же указанный феномен осуществляется в рамках многоукладной экономики и общества переходного типа с иными социальными стандартами. Сам же по себе статус труженика-неформала столь ущербен, что его носитель при всем желании не может порой требовать даже соблюдения техники безопасности, не говоря уже о правах наемного работника. Другими словами, имея под рукой подобного рода кадровый "резерв", готовый жить и работать на положении "крепостных", работодатели, по существу, **избавлены от необходимости предпринимать шаги, чтобы труд на их объектах стал, наконец, привлекательным для граждан своей страны.**

Есть основания утверждать, что нелегитимная иммиграция становится препятствием вхождения на достойных условиях в рынок труда российской молодежи. Анализ содержания объявлений о приеме на работу, помещенных, например, в газете "Работа для вас", а также на сайтах *job.ru* и *superjob.ru*, показывает, что все мало-мальски привлекательные предложения содержат непреодолимое для молодого человека ограничение: наличие стажа работы по профессии не менее 4 - 5 лет. Работник одной из служб занятости в приватной беседе подтвердил, что даже когда речь идет об обычных "неажиотажных" профессиях, руководителю предприятия проще и удобнее взять на работу "готового специалиста" из ближнего зарубежья, нежели возиться с выпускником-отличником профтехучилища. Иными словами, получить хорошее место молодой профессионал может либо по очень влиятельной протекции, либо в семейном бизнесе.

В результате этого порочный круг замыкается: пока будет происходить "подпитка" трудовых ресурсов за счет иммиграции, предприниматели постсоветской генерации никогда не начнут технико-социальную модернизацию производства, которая только одна и может изменить условия труда и уровень его оплаты в лучшую сторону. Таким образом, нелегитимная миграция способствует ухудшению социальных стандартов в сфере занятости, нарушает честную конкуренцию и принцип равных возможностей при трудоустройстве, внедряя и укрепляя в России систему "нечестной трудовой практики" (*unfair labor practice*), запрещенную во всех цивилизованных странах и осуждаемую Международной организацией труда (МОТ).

Это делает и без того недостаточно цивилизованную культуру трудовых отношений еще менее приемлемой для россиян. Вытекающее отсюда ощущение несправедливости и неприкаянности в собственной стране, наложившись на естественную настороженность в отношении закрытых для посторонних сообществ приезжих, легко трансформируется в ксенофобию, успешно эксплуатируемую политическими силами радикально-националистического и неонацистского толка. На возможность дальнейшего развития подобной тенденции указывает не только умозрительный зарубежный, но и свой собственный опыт. Социологи давно уже фиксируют нарастание как шовинистических настроений, так и "толерантности" к ним во всех слоях российского общества [Паин, 2005, с. 150 - 151]. Естественно, ответственность за взаимную отчужденность иммигрантов и принимающего населения несут обе стороны [Хизриева, 2001, с. 89; Стельмах, 2001, с. 30 - 34], однако нелегитимность пребывания первых в России делает весьма уязвимыми самые справедливые аргументы против нетерпимости по отношению к приезжим.

"Железный занавес", "открытые двери" или миграционные квоты?

Описанное выше указывает на необходимость исправления положения дел с иммиграцией, в нынешнем своем виде малопродуктивной и малоперспективной для России экономически, демографически и социально-культурно. В таком контексте в последние годы стала практически нормой апелляция к государству. Оно, конечно же, вправе решать подобную проблему как за счет внутренних (стимулирование рождаемости; организация перетока экономически активного населения из трудоизбыточных регионов в

трудодефицитные), так и внешних ресурсов (поощрение иммиграции; временное/сезонное привлечение иностранной рабочей силы). Однако россиянам, прежде чем требовать от властей принять те или иные меры, необходимо занять по иммиграционным вопросам какую-то согласованную позицию.

Казалось бы, ситуация предельно ясна: опросы ВЦИОМ, во-первых, показывают: всего 15% граждан РФ относятся к мигрантам более-менее положительно, а 68% - полностью и скорее отрицательно. Во-вторых, вектор таких настроений общества четко ориентирован: 70% россиян, в том числе 44% - безоговорочно, выступают за "ужесточение законов, с целью пресечь по возможности миграцию в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока", а противоположного мнения придерживаются 20% (подчеркнуто нами - Л. П., В. С.) [Вестник... 2003, с. 43; ВЦИОМ, 2004]. Однако считать, что по данному пункту граждане России пришли к полному консенсусу, неправильно, да и игнорировать мнение меньшинства недальновидно. Как можно было заметить, любые вопросы, касающиеся иммиграционных перемещений, не имеют однозначной трактовки. Напротив, оценка их практически всегда диаметрально противоположна. Так что россиянам по прошествии 20 лет после начала демократических реформ еще предстоит занять рациональную позицию относительно приезжих-иностранцев. Антитеза здесь не столь проста, как может показаться: иммигранты в сложный переходный период помогали решить вопрос обеспечения ряда отраслей российской экономики человеческими ресурсами, эта помощь в известной мере необходима и теперь, но платить за нее приходится серьезными социально-экономическими и социально-культурными издержками.

При этом следует иметь в виду, что присутствие в России иммигрантов - во многом объективное обстоятельство, обусловленное не только демографической, как в странах ЕС [Европарламент... 2005], но и финансово-экономической ситуацией, которая в постсоветское время не благоприятствовала оптимальному использованию собственных людских резервов. В частности, активизация внутренних миграционных потоков для стабилизации занятости в Нечерноземье, не говоря уже о районах Дальнего Востока, требовала предварительных вложений, обременительных для федерального бюджета. Поэтому власти России, по свидетельству бывшего министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики А. Блохина, по сути, по умолчанию делали упор на более экономном, по их оценкам, способе - восполнению нехватки рабочей силы иммигрантами ("Время МН", 16 февраля 2001).

Пути решения обозначенной антитезы - материя крайне деликатная, тем более, что действия в сложившейся ситуации ограничены рамками трех основных подходов, каждый из которых предполагает свой особый набор средств:

- "репрессивный" - закрытие границ, усиление их охраны с привлечением добровольцев (например, казаков), депортацию иммигрантов, ужесточение наказаний за нелегальную иммиграцию и ее активное (контрабандная переправка мигрантов) или латентное (незаконный найм) поощрение и т.д.;
- "ультралиберальный" - облегчение правил пересечения границы, иммиграционная амнистия, максимальное снятие ограничений на работу иностранцев, предоставление им права участия в муниципальных выборах и пр.;
- "рационально-прагматичный" - упорядочение визового режима, введение системы иммиграционных квот, реадмиссия, проведение информационных кампаний о законном въезде и перспективах легального трудоустройства в России и т.п.

Рассмотрим каждый из них. Сразу же отметим, что в условиях глобализации первый подход - абсолютно непродуктивен. Не говоря о вредности ведущей к социально-экономическому регрессу схемы "железный занавес-автаркия" и негативном международном резонансе от любых подобных решений, необходимо принимать во внимание и далекоидущие внутриполитические последствия подобной практики. А ее апологетам следует, как минимум, откровенно объяснить обществу, по каким азимутам стоит запираить границы на замок - восточному, южному, западному или по всем, и предоставить гарантии, что тотальные ограничения на въезд в страну нерезидентов не обернутся нарушением конституционного права граждан России на свободное передвижение по всему миру.

Вместе с тем нельзя пренебрегать встревоженностью и настороженным отношением многочисленных слоев нашего общества к миграционным изменениям. Они - не только фантом, обывательские заблуждения или форма компенсационного поведения, как это иногда принято упрощенно толковать [Целмс, 2004, с. 29]. Нелегальная или, как в нашем случае, нелегитимная, а потому слабоконтролируемая иммиграция, вполне реально нарушает внутреннюю целостность социума, снижает необходимый для его устойчивого развития уровень интегрированности. Эксперты ООН не случайно утверждают: если количество пришедших в стране начнет превышать 10% от коренного населения, то "государство начинает терять управляемость и закономерно разваливается" [Федоров, 2002]. Поэтому высказанная нами критика в адрес репрессивного подхода к перемещениям из-за рубежа не ставит под сомнение необходимость более жестких технических и процедурных мер по упорядочению миграционных перемещений: укреплению участков государственной границы, наиболее привлекательных для нелегалов; развертыванию отсутствующей ныне системы миграционного контроля на железнодорожном транспорте; усилению санкций за незаконное использование иностранной рабочей силы, против фальшивых рекрутинговых агентств и т.д.

Теперь поговорим о втором подходе. Применительно к существующей ситуации он не менее абсурден, чем первый. Можно ли всерьез воспринимать доводы наподобие следующих: дозируя приток приезжих, "мы потеряем даже ...азербайджанцев, торгующих на рынках", которые "все больше едут в Турцию и на Кипр, так как ...там легализоваться очень легко"; что в отличие от нашей страны ...*"Голландия (?! - Л. П., В. С.)* дает им статус беженца" [Зайончковская, 2001, с. 6]? В отношении аналогичных аргументов было бы достаточно одного возражения. Защита рынка труда от конкуренции извне, со стороны иммигрантов из менее благополучных стран - столь же важный атрибут гражданского общества, как сеть местного самоуправления или разветвленная судебная система, тогда как полное уравнивание в правах резидентов и нерезидентов или предоставление последним каких-то преференций - нонсенс, напоминающий разве что феодальное право.

И все же укажем, насколько осторожно стоит подходить к таким приемам, как, например, иммиграционная амнистия. На наш взгляд, до приведения российского законодательства о труде в соответствие с критериями МОТ вопрос о легализации теневой занятости нерезидентов не может ставиться вообще, если мы не хотим законсервировать нынешнюю социально опасную ситуацию. Вдобавок стоит учитывать возможные этнокультурные последствия такого рода действий, отслеживаемые на опыте других стран. Так, в США эта мера, в одночасье превращающая нелегальных иммигрантов в экономических, зарекомендовала себя положительно в отношении выходцев из соседних латиноамериканских государств: люди, давно обосновавшиеся в стране, адаптировавшиеся к ее социальной среде, получили соответствующий правовой статус. Но, скажем, во Франции аналогичная практика в отношении выходцев из стран Магриба не была столь успешной, поскольку не привела к главному - преодолению дистанции между этими общинами и доминирующим социумом. Иными словами, политика по отношению к иммиграции должна быть, как минимум, сбалансированной: адаптация новопоселенцев и их интеграция в принимающее общество требует разумной жесткости регламентирования миграционных перемещений извне. В противном случае мы рискуем получить, прежде всего в крупных городах, инациональные общины, живущие по своим, а не по общероссийским законам, но претендующие на привилегии российского гражданства.

Сказанное говорит в пользу третьего из выделенных нами подходов - рационально-прагматического корректирования явных издержек нелегитимной иммиграции постсоветского времени. Произойди в нашей стране укоренение принципов социального законодательства (включая ту его часть, что относится к трудовой практике), аналогичного принятому во всех развитых странах, освоение пространства рыночной экономики более широкими слоями основного населения России пошло бы куда быстрее, а ниша, в настоящий момент занятая нерезидентами, сузилась бы до естественного минимума. Однако нынешние тенденции развития российского общества, задаваемые политикой

администрации В. Путина, приобрели обратную направленность. Так что, скорее всего, рассмотренные нами проблемы нелегитимной иммиграции и ее шлейфа - неофициальной занятости не потеряют актуальность.

Коль скоро прекращение в одночасье экспорта рабочей силы (с учетом не столько масштаба, сколько его структуры) нереально, требуется совершенствование условий привлечения новых иммигрантов. Увы, постсоветский опыт в этой сфере выработал у большинства населения ярко выраженное отторжение приезжих. Такую позицию нельзя считать полностью справедливой, но это не значит, что федеральные власти могут ей по обыкновению пренебречь. Неприятие и настороженность принимающего общества в отношении иммигрантов из того же СНГ может свести на нет их дополнительные адаптационные возможности, восходящие к совместному проживанию в СССР.

В этой связи необходимо без ложной политкорректности подумать о нецелесообразности применения у нас натурализационной модели иммиграционной политики (постепенное получение приезжими всей полноты гражданских прав) по аналогии с государствами Нового Света, Великобританией и Францией. Вероятно, в настоящее время России больше подойдет ротационная модель, практикуемая Швейцарией, а до вступления в ЕС - и Австрией. Суть ее в правовом разграничении и четком квотировании потока мигрантов в зависимости от характера их дальнейшего пребывания (постоянного или временного) и строгой регламентации сроков пребывания нерезидентов в стране приезда. Такой подход, несколько не препятствуя гуманитарным контактам людей, приему беженцев, воссоединению семей, репатриации бывших жителей РСФСР, часто не по своей воле оказавшихся в пусть и ближнем, но зарубежье и т.п., позволяет регулировать численность иммиграции в зависимости от возможностей принимающего общества и готовности его членов чем-то поступаться во имя более значимых социальных целей.

Квотная система, лимитирующая приток нелегитимных приезжих, дает реальные возможности наведения порядка с занятостью нерезидентов. Невозможность вброса на рынок труда дополнительных контингентов извне заставит недобросовестных предпринимателей использовать наличные ресурсы - человеческий и интеллектуальный потенциал своих сограждан, а не отдавать предпочтение готовым практически на все иммигрантам. На этой основе можно будет модернизировать правила, регулирующие участие иностранцев в экономической жизни страны так, чтобы оно происходило без ущерба для ее основного населения. Такого рода регуляции должны охватывать и торговую деятельность приезжих, и их занятость по найму. В первом случае необходимо не только предусмотреть механизмы пресечения лазеек для уклонения от уплаты налогов и несанкционированного вывоза денежных средств за пределы РФ. Важно продумать и более четкие правила лицензирования, аренды торговых мест и т.п., вменяющие иностранцам в обязанность соблюдать все без исключения требования к санитарии, контролю над качеством товаров/услуг и по поддержанию общественного порядка.

Во втором случае жесткому контролю должны подлежать лицензирование экспорта рабочей силы; условия ее найма и использования (охрана труда, включая проживание работников-иностранцев); обязательное возвращение на родину по истечении срока контракта и т.п. Категорически недопустима "этнизация" инофирм и иные существующие проявления "нечестной трудовой практики". Более того, всем иностранным производителям, работающим в России, необходимо вменить в обязанность соответствующую подготовку и обучение местных кадров. В настоящее время это практикуют только крупные концерны типа "Мерлони", "Найк" или "Эрман".

Осуществлять аналогичные меры надо уже сейчас, не дожидаясь изменения экономической конъюнктуры и пресловутого удвоения ВВП, тем более что, как показывает зарубежный опыт, при любой ее динамике могут нарастать социальная напряженность и тем более - межэтнические трения. Для нашей страны последнее - особый фактор риска, ибо исторически этничность и соответствующая подоплека всего и вся играла и играет в России явно преувеличенную роль. Истинные и мнимые социальные обиды основной части населения будут легко перенесены на некий понятный объект - иммигрантов.

В заключение отметим, что рассмотренная система гибкого, прагматического регулирования иммиграционной политики потребует упорядочения визовой практики, точнее, введения различных категорий виз (гостевая, туристическая, для получения образования, с правом трудоустройства, для переезда на постоянное место жительства и т.д.) и проработки процедуры реадмиссии. Это, в принципе, технические вещи, но их отсутствие выступает важным препятствием вхождения России в Европу без границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афоничева А. В.* Демографическая ситуация в России накануне переписи населения 2002 года // Вестник международного центра азиатских исследований. М. - Иркутск, 2002. N11.
- Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* 2003. N 1 (67).
- Вишневский А. Г.* Население России. 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. М., 2001.
- Волошина В.* "Дама, не злите их, а то вообще закроют" // Известия. 2003. 25 февраля.
- ВЦИОМ.* Пресс-выпуск N 132. 16 ноября 2004 // www.wciom.ru.
- Гайдар Е.* Структурные реформы. Ускорение вместо паузы // Известия. 2003. 26 февраля.
- Гликин М.* Великое переселение кавказцев // Независимая газета. 2002^а. 27 ноября.
- Гликин М.* Миллионам иммигрантов откажут в праве на труд // Независимая газета. 2002^б. 19 декабря.
- Гликин М.* Нерешенный вопрос о государственной политике в миграционной сфере // Независимая газета. 2002^в. 16 августа.
- Горбунов И., Подлесова И.* Иностранцев и россиян уравнивали \$3000 // Известия. 2003. 13 февраля.
- Гражданства России на всех не хватит. Паспортов тоже* // www.htb.ru (15.08.2002).
- Гранина Н.* За нелегалов посадят коммерсантов // Известия. 2002^а. 14 декабря.
- Гранина Н.* Депортацию отрабатывают на таджиках // Известия. 2002^б. 30 ноября.
- Гранина Н.* За пособничество нелегальным иностранцам будут сажать в тюрьму // Известия. 2005. 2 февраля.
- Гусев А.* В Москве торгуют поддельными миграционными картами // Известия. 2003. 3 февраля.
- Дятлова Е.* Брачные связи мигрантских меньшинств Иркутска в 1989 - 1998 годах (китайцы, выходы с Северного Кавказа, из Закавказья и Центральной Азии) // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2001. N 1 (12).
- Европарламент восполнит дефицит рабочей силы* // Известия. 2005. 14 января.
- Зайончковская Ж. А.* Богатство России иммигрантами прирастать будет // Сегодня. 2001. 28 марта.
- Зайончковская Ж.* Дальний Восток будут заселять китайцы // Известия. 2002. 9 декабря.
- Зайончковская Ж.* Нормальной миграции люди не замечают // Известия. 2003. 13 февраля.
- Ильичев Г.* Жертвы работорговли рабами себя не считают // Известия. 2003^б. 8 февраля.
- Ильичев Г.* Чертовски хочется работать // Известия. 2003^а. 30 января.
- Калачинский А.* Идеиное браконьерство // Русский курьер. 2004. 17 декабря.
- Кириллова Е.* Украинские трудовые мигранты в России // Миграция и рынки труда в постсоветской России. М., 1998.
- Кондрашова Е.* Россия и мигранты // Труд. 2002. 17 декабря.
- Копцева О.* Задача: совместить прозрачность с закрытостью // Независимая газета. 2003. 4 марта.
- Корня А.* Полумиллионный ресурс // Время МН. 2002. 13 ноября.
- Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945 - 1996. М., 2002.
- Малькова В.* Толерантность или конфликт? К вопросу об освещении этничности в московской прессе // Конфликт-диалог-согласие. Бюллетень N 6 (Этнокультурная ситуация и проблемы диаспор в мегаполисе: опыт Москвы). М., 2001.
- Миграция населения.* Вып. 3. М., 2001.
- Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н.* Московский регион: миграции и миграционная политика (Рабочие материалы Московского центра Карнеги, N 3). М., 1999.
- Нарышкина А.* Нашли конкурента. Гастарбайтеры выгодны России // Известия. 2003. 6 марта.
- Открытый форум МОМ. Информационная серия. Незаконная миграция в России.* Вып. 1. М., 2001.
- Павлова Л.* Переводчики денег // Новые известия. 2005. 31 января.

- Паин Э. А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // *Общественные науки и современность*. 2005. N 1.
- Паин Э. А. Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России // *Общественные науки и современность*. 2003. N5,6.
- Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // *Общественные науки и современность*. 2003. N 3.
- Потемкин Ю. В. Эмиграция в Западную Европу: уроки для России // *Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность*. 2002. N 2.
- Родин И. Перепись фальсифицирована из-за ошибки корректуры // *Независимая газета*. 2003. 23 января.
- Сатаров Г. А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // *Общественные науки и современность*. 2002. N 6.
- Симакин Д. Оптовая регистрация гастарбайтеров // *Независимая газета*. 2003. 31 января.
- Скробот А. Убийственная статистика // *Независимая газета*. 2003. 13 февраля.
- Старченков Г. И. Трудовые миграции между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия. М., 1997.
- Стельмах В. Г. "Этническая" занятость и этническая конфликтность: московские реалии // *Конфликт-диалог-согласие*. Бюллетень N 7 (Этнокультурные аспекты занятости: опыт Российской Федерации). М., 2001.
- Титов В. Н. Межкультурная коммуникация как фактор адаптации иммигрантов к городской среде // *Общественные науки и современность*. 2003. N 6.
- Устюгов Б. Московских нелегалов депортируют на родину // *Известия*. 2002. 17 сентября.
- Федоров Л. Почему Москву обживают мигранты? // *Московская правда*. 2002. 20 сентября.
- Хизриева Г. А. Адаптация новых мигрантов в мегаполисе: проблемы институализации // *Конфликт-диалог-согласие*. Бюллетень N 6 (Этнокультурная ситуация и проблемы диаспор в мегаполисе: опыт Москвы). М., 2001.
- Целмс Г. "Я ненавижу - значит, я существую" // *Русский курьер*. 2004. 17 декабря.
- Чернов Д. Мигранты крадут у России миллиарды // *Время МН*. 2002. 10 декабря.
- Шишков Ю. В. Демографические перспективы мирового сообщества // *Труды Клуба ученых "Глобальный мир"*. 2002 г. Т. 2. М., 2003.
- Шуйкин М. Россия становится раем для нелегальных иммигрантов // *Независимая газета*. 1999. 5 февраля.